

ПОДАРОК

ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВ

18+

Павел Николаевич Алексеев

Подарок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68707803

SelfPub; 2022

Аннотация

Виктор приходит на базар, чтобы купить ёлку к Новому году, но пожилой продавец по имени Кузьма отговаривает его и рассказывает необычную историю, почему нельзя рубить деревья в лесу.

Павел Алексеев

Подарок

Базарный день клонился к завершению. На улице больше не было дневной суеты, и кипение людского говора не наполняло воздух. Лишь запоздалые зеваки в суматошной спешке носились от лавки к лавке, чтобы успеть купить гирлянду или ёлочные украшения. Сувенирные прилавки почти опустели, а продавцы, с ног до головы тепло одетые, уже складывали игрушки в коробки, которые вскоре ставили в багажники автомобилей.

Предпраздничный вечер перетекал во тьму зимней ночи. Где-то вдалеке уже взрывались хлопушки, а небо озарялось поспешным фейерверком.

К одному из прилавков, некогда заставленных пышными ёлками, подошёл мужчина лет тридцати пяти, не старше. Скромно прижав к себе кожаный портфель, он взором проводил женщину с ребёнком, что дружно уносили ель, купленную у пожилого продавца. Человек подступился, кашлянул так, словно попросил внимания, и обратился тихим голосом:

– Простите, ёлки ещё остались?

Старик, стоявший за деревянной стойкой, с понурым взглядом покачал головой и проплыл рукой, облачённой в шерстяную варежку, по седой бороде, торчавшей из-под

шарфа. Он посмотрел во влажные глаза низкорослого человека в драповом пальто и с нотой разочарования в голосе ответил:

– Извините, но перед вами последнюю продал.

Неудачливый покупатель удручённо выдохнул, махнул рукой и выдавил:

– Эх, придётся в лес идти.

– Нет, нет, что вы, – тут же остановил его старик. – Приходите завтра. Я привезу с утра ещё деревьев. Только не нужно рубить их в лесу.

– Какая разница, откуда ель? – раскипятился покупатель. – Вы не из леса, что ли, их берёте?

– У меня своё хозяйство, выращиваю на продажу, – ответил продавец. – А то, что в лесу, это неприкосновенная природа, которую лучше не трогать.

– Извините, но штрафом вы меня не напугаете! – произнёс мужчина и поднял воротник пальто. – Я сыну обещал и, получается, обманул его. А завтра, между прочим, Новый год.

– Понимаю, – сказал старик и указал на свой грузовичок. – Если так нужно, то поехали ко мне в хозяйство. Оно недалеко, за городом. Там столько ёлок, выберете, какую захотите.

Мужчина косо посмотрел на продавца, шмыгнул красным носом и произнёс:

– Ай, поехали, что там.

Они сели в кабину. Старик снял варежку, протянул муж-

чине руку и сказал:

– Меня зовут Кузьма.

– Приятно познакомиться, Кузьма, я Витя.

– Виктор, значит? Я вам вот что скажу, – он исподлобья посмотрел на Виктора, – нельзя, послушайте меня, нельзя рубить в лесу деревья. Они ведь живые, как и мы с вами. Поверьте мне, я не шучу.

– Да верю я, верю, – нетерпеливо сказал Виктор. – Поехали уже.

– Пока мы будем ехать, Виктор, я вам расскажу одну историю, – старик завёл автомобиль и, выкручивая руль, продолжил: – Верить или нет, конечно, дело каждого. Будь я на вашем месте, тоже не поверил бы в бредни рыночного торговца.

– Вы, главное, следите за дорогой, – отозвался Виктор, вжимаясь от холода в сиденье. – А там, хоть историю Руси вещайте!

Кузьма хмыкнул, посмотрел в зеркало заднего вида и нажал на газ. Машина тронулась и поехала по обледенелой дороге, выбрасывая из-под колёс комочки снега. Старик пригладил к плотному шарфу бороду и заговорил тёплым распевным голосом:

– Искорки снега парили в тяжёлом воздухе, пропитанном стужей позднего декабря. С глубокого неба на землю смотрел большой глаз белой луны. Он рассеивал яркий свет по пушистой вуали, что скрывала под собой небольшую, точно

кукольную, деревушку, обрамлённую лесными угожьями. В ней жило мало людей, да и те или доживали свой беспокойный век, или подумывали об уезде в город. Совсем глухо там было и беспокойно.

В сторону леса по белой глади чёрной кляксой двигался мужчина, а рядом с ним с неиссякаемой энергией носился его десятилетний сын. Под звучный скрип снега они вошли в заросли. Белозубый лес встречал их своими холодными объятьями, был тих и скромен, но таинственен, словно скрывал в себе что-то страшное и мрачное. И такие мысли рождались у местных жителей нередко, хотя лес там был, на удивление, очень плодороден. С весны по осень в нём появлялись широкие ковры из грибных шляпок, а всю зиму царил жгучий холод, восхищала неопишуемая красота морозных кружев.

Одни говорили, что однажды в те места с неба упала божья слеза, и после этого вокруг воронки всё начало цвести и благоухать. Другие утверждали, что земля в лесу укрывает что-то чуждое людскому подсознанию, и Дьявол пытается выбраться на волю. Оттого происходили странные дела: то человек заплутает или вовсе захлебнётся в топи, с виду походившей на салатный гобелен; то малиновый куст испустит зловоние, от которого забурлит почва. Многие страшились леса как чего-то inferнального, неизвестного людской природе, а те, кто верил в чистоту и целомудрие тех пленительных пейзажей, лишь упивались, созерцая и боготворя их неприкосновенность.

И вот отец и сын зашли глубоко-глубоко, пока не оказались охвачены морозными рукавами леса. Они остановились у еловой рощицы. Пышногривые красавицы, припудренные снегом, точно серебром, были повсюду, как в сказке. Увесистые шапки украшали деревья. Среди елей мужчина углядел одну, стройную, чарующую своей отточенной изящностью. Она росла в стороне, освещённая светом полной луны, словно Господь присматривал за ней.

Тогда мужчина взглянул на сына, озарённого радостью, закинул на плечо топор и пошёл к ели. Его ноги утопали в сугробах по щиколотку, но он смело пробирался вперёд, отводя в сторону цепкие ветви. Приблизившись к дереву, он, недолго думая, замахнулся топором и ударил остриём по стволу. Мальчик, увидев, как из дерева что-то брызнуло и окропило девственную белизну снега, тут же подбежал к нему и упал на колени в снег.

Ветви осыпались, прикрыв капли неизвестной субстанции. Мужчина опять с размаху ударил топором по дереву. Из ствола снова что-то вылилось. Теперь на снегу виднелись явственные багровые капли. Мальчишка закричал отцу, чтобы он остановился, но тот не слушал его. Раз за разом в лесную глубину улетал треск несчастной жертвы. Ель скрипела, точно плакала, умоляла дать ей шанс на жизнь. Но тщетно. Вскоре она склонилась к земле. Мужчина подрубил ствол и оторвал зелёную страдалицу. Он улыбнулся, подмигнул сыну и, не сказав ни слова, поволок добычу по сугробам.

Когда они принесли ель домой, то незамедлительно принялись наряжать. В свете керосиновой лампы мужчина достал из кладовки коробки с украшениями. Сынишка, обмотавшись мишурой, весело скакал вокруг ёлки, пока ту устанавливал отец. Прикрутив твёрдый ствол к самодельной подставке, мужчина мгновенно прикрыл подножье ватой, как бы укутав его снегом. Затем мальчишка занырнул в одну из коробок, вытащил из неё несколько блестящих шаров и повесил их на ветки. Мужчина с детским вовлечением помогал сынишке украшать праздничную ель, окручивал её мишурой и сверкающим под тусклым светом лампы дождиком. Гирляндой украсили широкие ветки, а под ними спрятали деревянную фигурку деда-мороза.

Вскоре со дна последней из коробок мальчик достал красную, позолоченную по краям звезду. Отец поднял сына, и тот водрузил её на макушку ёлки. Опустив мальчика на пол, глава семейства включил гирлянду в розетку и отошёл. Вместе с сыном они восхищённо посмотрели на сверкающую новогоднюю принцессу. Разноцветные огоньки сияли, разбрызгивая свет по всей небольшой комнате. Ель была необыкновенна, велика, почти под потолок. Шары на ней кружились, стеклянные шишки качались, отбрасывая на бревенчатые стены блики, а ветки в странном волнении шевелились, словно ими играл сквозняк. В тишине слышался скромный звон колокольчиков, висевших на дереве.

Мальчик вдруг отошёл и взглянул на отца, будто что-то

вспомнил. Ребёнок мигом подбежал к столу, на котором лежали фрукты, схватил несколько мандаринов и, вернувшись к ёлке, положил их под неё.

Всё было готово для встречи Нового года. На часах почти полночь. Отец с сыном расположились за столом, заставленным вкусной едой, конфетами и пряниками. Стол едва не ломился от разнообразия сладостей, чему несказанно радовался мальчуган. Отец включил радио, и комнату залил шум, через который лились ноты праздничного концерта. Мелодичные женские голоса очаровывали своими тембрами, а инструменты, сопровождавшие сладкое пение, своим звучанием кусали кожу на теле до мурашек.

Как только пробил первый удар настенных часов, вместе с металлическим гулом задрезбужали окна. Гирлянда погасла, а через секунду лампочки на ней одна за другой начали взрываться. Мужчина в непонимании подскочил и хотел было вырвать вилку из розетки, но вспышка света и искры, прыгающие из неё, отшатнули его. Он в испуге закричал, а мальчишка, ошарашенный происходящим, спрятался под столом.

Ель издала пронзительный визг и зашевелилась, будто желая сбросить с себя все украшения. Её ветви обрастали гнилой субстанцией, вытекающей из недр ствола. Эта жидкость струилась меж иголок, лоснилась, как огромные черви, выползающие из дерева. Оно становилось изменчивой гроздкой дожившей сущностью из чертогов древнейших земель или сфер, населённых жуткими тварями. Ветки об-

растали когтями, а сверкающие до той поры игрушки трескались, из них вытекала слизь, тягучими каплями падая на пол. Вместо шаров рождалось подобие глаз, что своими чёрными до безобразия зрачками выискивали жертву. Из ели с жутким хрустом вырвались бесчисленные лапы, и нечто, отдалённо напоминающее символ Нового года, поднялось. Макушка в виде пятиконечной звезды лопнула, явив такую же пасть, которая в секунду разразилась проникновенным скрипом и раскрылась. В тусклом свете виднелись клыки, а с толстых губ текли слюни.

Мужчина отскочил от ожившего дерева, схватил первое, что попало под руку, – разделочный нож и, замахнувшись им, ударил по веткам, судорожно качавшимся и сбрызгивающим с себя шипящую жидкость. Капли прожигали пол, и от них к потолку взвивались струйки дыма.

У ног мужчины мелькнули три жёлтых паука. Вот только это были вовсе не пауки, а те самые мандарины, но на множестве паучьих ножек. Осклизлая кожа отслоилась от них, и взору загнанных в закоулок мрака людей явились острые зубы и маслянистые глаза в виде точек. Разноцветная мишура с противным скрежетом ползала между ног, подобно змеям, выющимся в поисках жертвы. Ожившая гирлянда хлестала, как плетями. Она обвязала руку мужчины и сжала его запястье так, что он от боли выронил нож.

Мальчик выскочил из-под стола и отважно схватил отца за другую руку. Он вырвал его из объятий гирлянды, скручивающей охолоделое тело. Мужчина взял со стола кувшин и бросил в древоподобное чудовище, тем самым выкрал мгновение на побег. Вместе с сыном они кинулись прочь.

Выскочив на заснеженную улицу, отец с сыном оглянулись. Шум в доме лишь нарастал, разрывая оскуделое сознание монструозным воем. Мужчина схватил сына за руку и побежал вперёд, через пустую деревушку, где избы, присыпанные снегом, ютились одна за другой. Кругом пустота, и лишь в редких окнах виднелись огоньки от керосиновых ламп.

Чудовище следовало по пятам. Несчастные бежали в сторону леса, откуда часом ранее и приволокли страшный плод незыблемых фантазий умалишённого бродяги. Ель ужасающей поступью приближалась к ним, тянула вырастающие осклизлые ветви, била по земле отверделой от холода мишу-

рой и звенела жестяными колокольчиками, серьгами, висевшими на ней.

Едва отец и сын успели забежать в лес, нечто издало неповторимый гвалт и рванулось вперёд. Мужчина отпустил сына, и тот помчался в темноту зарослей. Отец кричал, чтобы он не оборачивался, а сам путался ногами в сугробах, захлёбывался воздухом, но продолжал бежать.

Вскоре мальчик замер. Над разумом властвовало молчание, давившее на истерзанный организм юнца. Встревоженно оглядевшись, он сделал несколько неуверенных шагов назад и, миновав широкое дерево, увидел отца, лежавшего в снегу. У мужчины не было ног, он давил из себя подобие звуков и жалобно смотрел на сына. Позади отца стояла тварь, вероятно, выбравшаяся из самых низших слоёв Преисподней. Зрачки в её круглых, как ёлочные шары, глазах безобразно метались, точно потеряли цель, но это было не так. Она медленно втягивала в себя мужчину. Не пожирала его, а именно всасывала пятиконечной пастью, склонив к нему свою макушку. Бедолага хрипло выл и тянул к сыну руки, но вскоре они застыли, а стеклянный взгляд навсегда отчеканился в памяти того мальчика. Ель полностью поглотила несчастного, не оставив от него ничего: ни одежды, ни крови, ни костей.

Вскоре дерево, пустив корни,росло в землю. Оно сбросило с себя всю непотребную мишуру человеческих утех. Игрушки таяли, вливаясь в белёсое одеяло зимы. Плотные

веки сомкнулись и покрылись еловыми иголками. Гирлянда, издавая шипение, прожигала снег, противным паразитом пряталась во тьме мерзлотной почвы. Ребёнок видел жутчайшую трансформацию чудовища, пришедшего, казалось, извне людского мира. Пятигранная пасть монстра, вкусившего человеческую плоть, в мгновение сделалась обыкновенной верхушкой статной ели. Дерево застыло в таком же положении, как и тогда, когда отец и сын нашли его. Свет луны упал на пушистые ветви, под которыми лежали три мандарина.

– Что за сказки? – вдруг вскрикнул Виктор.

– Повторяю, что верить в это не обязательно, – ответил старик и добавил: – Приехали!

В глубоком поле перед ними находился длинный амбар, крыша которого едва не ломилась под натиском снега. Кузьма пробрался к воротам, снял массивный замок и приоткрыл створку, приглашая внутрь Виктора, а сам вошёл следом и нажал на кнопку выключателя. Помещение озарилось ярким светом.

В глазах Виктора отражались сотни элегантных елей, они росли ровными шеренгами, словно выстроились напоказ к приходу гостя. Теплом обдало его лицо, мужчина прижал к груди портфель и поднял по-детски наивный взгляд на Кузьму, непоколебимо стоявшего по правое плечо от него. Старик склонился к стене, взял топор и произнёс тоном, полным самолюбия:

– Выбирайте, любая ваша!

– По какой цене отдаёте?

– Для вас совершенно бесплатно, – ответил Кузьма.

– Здесь какой-то подвох, – покосился Виктор.

– Нет, что вы, нет никакого подвоха. Я совершенно серьёзен.

Виктор с подозрением взглянул на старика и, не выпуская из рук портфель, прошёл между рядов ветвистых балерин. Дотошным взглядом Виктор искал ту, что скрасила бы праздничные дни и насладила своим видом его сына, и нашёл такую. Обернувшись к старику, он пальцем указал на одну из елей. Старик подмигнул, подошёл к дереву и в несколько крепких ударов сломил его. Затем обмотал бечевой.

– Я точно ничего вам не должен? – поинтересовался Виктор.

– Совершенно верно! – ответил старик.

Виктор открыл портфель, засунул в него руку, а через миг достал мандарин. Он протянул его Кузьме и с добродушной улыбкой на оттаявшем в теплоте лице предложил:

– Возьмите.

– Простите, но мне они не нравятся, – ответил Кузьма, поставив перед Виктором связанное дерево. Указав на выход, он добавил: – За полем пролегает трасса. По ней ездят автобусы до посёлка.

Виктор подхватил ель и вышел из амбара в зиму. Мужчина, довольный подарком торговца, обернулся и попрощался.

Кузьма проводил Виктора потешливым взором, улыбнулся и произнёс ему вслед:

– С наступающим Новым годом!